

## Содержание

### РАССКАЗЫ О БЭЗИЛЕ

Детский праздник . . . . .	5
Собиратели компромата . . . . .	24
Вечером на ярмарке . . . . .	53
Заносчивый новичок . . . . .	77
Что он о себе возомнил? . . . . .	110
Пойманная тень. . . . .	141
Безупречная жизнь . . . . .	172
К цели . . . . .	208
Бэзил и Клеопатра . . . . .	237

### РАССКАЗЫ О ДЖОЗЕФИНЕ

Первая кровь . . . . .	271
Тихое местечко . . . . .	297
Женщина с прошлым. . . . .	325
История про снобов . . . . .	355
Крушение чувств. . . . .	389

## Детский праздник

### I

После домашнего праздника у тротуара поджидали шикарный «стивенс-дюреа» и два «максвелла» тысяча девятьсот девятого года выпуска в компании одинокой «виктории»; мальчишки поглазели, как в «стивенс» усаживалась оживленная стайка девочек, и автомобиль с ревом умчался прочь. Компаниями по трое-четверо все стали разбредаться: одни — с шумливым гомоном, другие — в молчаливой задумчивости. Даже для вечно удивленных десяти-, одиннадцатилетних, которые без усталости приспособляются к новшествам, чтобы не отстать от жизни, день этот оказался знаменательным.

Так рассуждал Бэзил Дюк Ли, профессиональный актер, а также спортсмен, ученый, филателист и собиратель сигарных колец. Он был в таком приподнятом настроении, что хотел бы на всю жизнь запечатлеть в памяти свой выход из этого дома, близость предзакатного весеннего часа и походку обернувшейся к нему Долли Бартлетт, которая спешила к автомобилю — дерзкая, ликующая, лучезарная.

Новые ощущения немного пугали: оно и понятно, ведь в его жизни только что появилась едва ли не самая мощная побудительная сила. Отныне Бэзил сделался рабом любви, причем не где-нибудь в заоблачных высях, нет: его призвали, обняли, дали причаститься жгучего восторга — и за какой-то час он попал в плен. По дороге домой его занимали два вопроса: сколь долго это продолжалось и выпадет ли еще когда-нибудь на его долю нечто подобное?

Мать встретила на пороге непривычно бледного светловолосого мальчугана с необыкновенно зелеными глазами на тонком, чутком лице. Как настроение? Нормальное. Весело было у Гилрэв? Нормально. А подробнее? Да ничего особенного.

— Давай-ка мы тоже устроим детский праздник, Бэзил, — предложила она. — Тебя уже столько раз приглашали.

— Неохота, мам.

— А ты подумай как следует: десять мальчиков, столько же девочек, мороженое, торт, игры.

— Какие игры? — спросил он, несколько не теплев к материнской затее, но машинально ухватившись за это слово.

— Например, карточные фокусы, викторины.

— У них такого не бывает.

— А что бывает?

— Да ничего — просто валяют дурака. Не нужен мне никакой праздник.

Но вдруг скрытые неудобства от возможного появления девочек, от вторжения внешнего мира, без зазрения совести разрушающего фасад его владений, перевесило желание снова оказаться рядом с Долли Бартлетт.

- А мы сможем поиграть одни, без присмотра?
- Хорошо, я вам мешать не стану, — сказала миссис Ли. — Приготовлю, что требуется, и уйду.
- Все так и делают. — Бэзил не забыл, что сегодня рядом с ними все время отсвечивали какие-то важные дамы; просто он не мог представить, что мама будет неотступно стоять над душой.
- За ужином эта тема возникла вновь.
- Расскажи папе, чем вы занимались у Гилрэев, — сказала мама. — А то потом забудешь.
- Ничего я не забуду, просто...
- Сдается мне, играли на поцелуйчики, — как ни в чем не бывало предположил мистер Ли.
- Да ну, они там начали глупую игру какую-то, называется «угадай кто», — необдуманно возразил Бэзил.
- Это как?
- Ну, все мальчики по очереди выходят, а потом говорится: есть письмо. Нет, это «почта». В общем, потомходишь и должен угадать, кто тебя вызвал. — Ненавидя себя за предательство собственных чувств, он кое-как закончил: — А потом опускаешься на колени, и, если не угадал, все начинают хлопать и выгоняют тебя из комнаты. Можно мне еще такого соуса?
- А если угадал?
- Ну, как, тогда их обнимаешь, — забормотал Бэзил. Постыдный лепет — а ведь как было чудесно.
- Всех сразу?
- Нет, одну.
- Вот, значит, какой праздник ты хочешь устроить, — неодобрительно выговорила мама. — Ну и ну, Бэзил.

— Ничего я не хочу! — запротестовал он. — Я же не просил.

— Но ты просил, чтобы я ушла из дому.

— Встречал я этого Гилрэя в городе, — высказался мистер Ли. — Заурядный субъект, довольно провинциального вида.

Такое презрение к забавам, которыми во времена Джорджа Вашингтона не гнушались даже в Маунт-Верноне\*, отражало взгляд городских жителей на обычаи сельской Америки. Как и рассчитывал мистер Ли, на сына это подействовало, но совсем не так, как ему бы хотелось. У Бэзила, которому срочно понадобился сговорчивый сообщник, в голове возник образ Джо Шуовера, лишь недавно переехавшего с родителями в город. После ужина он, недолго думая, оседлал велосипед и помчался к дому Джо. По его плану Джо должен был незамедлительно собрать у себя компанию, причем не для того, чтобы затеять две-три игры с поцелуями, а чтобы эти игры шли сплошной чередой, разве что с небольшими перерывами на угощение. Бэзил обрисовал эту оргию в самых беспощадных, но ярких красках:

— Спокойно выберешь Глэдис. А когда надоест, можешь переключиться на Китти или на любую другую, и пусть она тоже тебя выберет. Прикинь, как здорово!

— А вдруг у тебя перехватят Долли Бартлетт?

— Так уж и перехватят! Не дрейфь.

---

\* Маунт-Вернон — плантация президента США Джорджа Вашингтона (1732–1799) близ города Александрия в округе Ферфакс, штат Виргиния, на берегу реки Потомак. — *Здесь и далее прим. перев.*

— Да ты в озере утопишься.

— Вот еще.

— Точно говорю.

Разговор был вполне конкретный; оставалось только заручиться согласием миссис Шуновер. Бэзил ждал на полутемной улице, пока Джо не вернулся с ответом.

— Мама разрешила.

— А пообещала, что не будет встречать?

— Чего ей встречать? — наивно удивился Джо. — Я рассказал, как мы сегодня бесились, — она только смеется.

Школа, где учился Бэзил, называлась Академией миссис Кэри; там он убивал нескончаемые, уныло-серые часы. Ему не раз приходило в голову, что научиться чему-нибудь дельному тут невозможно, и его досада нередко выплескивалась дерзостью, но в день домашнего праздника у Джо Шуновера он застыл как истукан за своей партией, чтобы только его не трогали.

— Итак, столица Соединенных Штатов — Вашингтон, — диктовала мисс Коул, — столица Канады — Оттава, а столица Центральной Америки...

— Мехико, — предположил кто-то с места.

— Там нет столицы, — само собой вырвалось у Бэзила.

— Ну почему же, должна быть. — Мисс Коул изучала карту.

— Почему-то нет.

— Замолчи. Бэзил. Пишем: столица Центральной Америки Мехико. Так, остается Южная Америка.

Бэзил вздохнул:

— Какой смысл диктовать то, что неправильно?

Через десять минут, слегка робея, он стоял в директорском кабинете, где против него ополчились все силы несправедливости.

— Твое мнение никого не интересует, — выговаривала миссис Кэри. — Мисс Коул — ваша учительница, а ты ей дерзишь. Придется поставить в известность твоих родителей.

К счастью, отец Бэзила был в отъезде, но мама, получи она донос из школы, точно не отпустила бы его в компанию. С этой безрадостной мыслью он вышел из школьных ворот, но его тут же окликнул Альберт Мур; их матери были близкими подругами, а потому этот мальчишка сейчас представлял нешуточную угрозу.

Альберт стал изгаляться насчет вызова к директрисе и возможных последствий. На это Бэзил указал, что Альберт, в силу того что носит очки, имеет четыре органа зрения. Альберт высказался в плане претензий Бэзила на вселенскую мудрость. Беседу оживляли грубоватые упоминания о перепуганных представителях семейства кошачьих, а также о хронических шизофрениках; вскоре на смену разговорам пришли взмахи рук и подскоки, в результате чего Бэзил по чистой случайности заехал Альберту в нос. Хлынула кровь; Альберт взвыл от ужаса и страданий, решив, что по его желтому галстуку стекают последние жизненные соки.

Бэзил отправился было своей дорогой, но остановился, достал носовой платок, бросил его Альберту, в полном смысле слова распутившему нюни, и заспешил прочь от этой жуткой сцены — проулками,

задворками, лишь бы оставить позади свое преступление. Через полчаса он обогнул дом Джо Шунове-ра, постучался у заднего крыльца и попросил кухарку доложить о его приходе.

— Что такое? — удивился Джо.

— Я еще дома не был. Подрался с Альбертом Муром.

— Ну ты даешь. Он очки снял?

— Нет, а что?

— За избеение очкарика можно в колонию загре-  
меть. Слышь, мы, вообще-то, сейчас обедаем.

Бэзил уныло сидел в переулке на каком-то ящи-  
ке, пока не прибежал Джо с новостями, достойными  
близких сумерек.

— Насчет игр на поцелуи — не знаю. Мама гово-  
рит, это глупости.

Перед Бэзиллом еще маячил призрак исправитель-  
ной колонии.

— Хоть бы она заболела, — рассеянно пробормо-  
тал он.

— Не смей так говорить про мою маму!

— А я что? Я хочу сказать — хоть бы ее сестра за-  
болела, — спохватился Бэзил, — тогда бы твоя мама  
уехала к ней.

— Да я не против, — задумался Джо, — только  
чтоб не сильно.

— А в самом деле, нельзя позвонить твоей маме  
и сказать, что у нее сестра заболела?

— Ее сестра в Тонаванде живет. Если что — при-  
слала бы телеграмму.

— Айда к Толстяку Палмеру — договоримся насчет  
телеграммы.

Сын квартального дворника, Толстяк Палмер, несколькими годами старше их, был рассыльным на почте; он курил и сквернословил. Доставлять фальшивую телеграмму он наотрез отказался, но за четвертак согласился раздобыть чистый бланк и поручить доставку одной из младших сестренек. Деньги на бочку, авансом.

— Постараюсь достать, — задумчиво сказал Бэзил.

Они поджидали его у многоквартирного дома, до которого было несколько кварталов ходу. Бэзил отсутствовал минут десять, а потом вышел с мученическим видом, раскрыл ладонь, где лежал четвертак, и присел на край тротуара, поджав губы и жестом попросив, чтобы его не трогали.

— Откуда деньги, Бэзил?

— От моей тетки, — с трудом выдавил он и добавил: — За яйцо.

— Да ты что?

— За сырое яйцо.

— Ты яйцами приторговываешь? — стал допытываться Толстяк Палмер. — Послушай, я знаю, где можно доставать...

Бэзил застонал:

— Мне пришлось выпить сырое яйцо. Она помещана на здоровом питании.

— Шальные деньги как с куста, — поразился Толстяк. — Я этих яиц выпил...

— Заткнись! — взмолился Бэзил, но было уже поздно.

Яйцо не пошло впрок — оно было тут же принесено в жертву любви.

## II

На бланке Бэзил написал:

*Заболела но не сильно выезжай немедленно любящая сестра.*

К четырем часам Бэзил еще не забыл, что у него, строго говоря, есть родители, но они уже остались далеко в прошлом. Кроме того, он знал, что согрешил, и, пока брел по аллее, безостановочно повторял молитву, надеясь получить в этой жизни прощение за очки Альберта Мура. Остальное можно было отложить до разоблачения, за которое он предпочел бы ответить после смерти.

В четыре часа они с Джо забились в шуноверовский чулан, чтобы хоть на последние тридцать минут скрыться от бдительного ока кухонной прислуги. Миссис Шуновер отсутствовала, гости были на подходе — и тут как по команде одновременно раздались трели дверного и телефонного звонков.

— Пришли, — шепнул Джо.

— Это мои предки, — сразу охрип Бэзил, — скажи, что меня тут нет.

— При чем тут твои предки? Это гости.

— По телефону названивают.

— Вот сам и скажи.

Джо ворвался в кухню:

— Ирма, в дверь звонят — неужели ты не слышишь?

— У меня руки в тесте, у Эсси тоже. Ступай сам открой, Джо.

— Нет, ни за что!

— Тогда пускай обождут. Вы, ребятки, как видно, ходить разучились.